

Анна Степанова

Дніпро, Університет імені Альфреда Нобеля

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОГО МИФА О ГОРОДЕ В ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА *БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ*

Transformation of the Romanticist Myth of the City in Alexander Pushkin's Poem *Brothers-Robbers*

ABSTRACT: The article studies the problem of the Yekaterinoslav urban text formation in Russian literature. The image of the city in the poem by Alexander Pushkin *Brothers-Robbers* is analysed; the real (historical) image of Yekaterinoslav is considered in correlation with the image depicted in the poem, determined are the functions of romanticist topoi in the creation of the Yekaterinoslav text, while revealed are the peculiar features of the formation of the urban myth within the Yekaterinoslav text itself. The process of *shift* from the image of a real Yekaterinoslav city to the image of the ideal (non-material) one, from a “physical” image to the “metaphysical” is investigated. There is a process of *poeticizing* a small city in the work of art, representing the primary stage of forming a myth about the city. After analysing the correlation of the Yekaterinoslav myth with the aesthetic constants of romanticism (the motif of freedom and predatory liberty, images of the noble robber and rebellious character, the motif of rejection, correlation with the utopian tradition) we may conclude that within the poetics of the urban text Alexander Pushkin reinterprets and transforms the traditional categories of romanticist poetics. The author's characterization of the robber character diminishes the romantic ideal, revealing the other, “trivial” nature and interpreting rebellion not as a rejection or desire for freedom, but as a crime. Such a twist in depicting the image of a rebellious character stipulates a different interpretation of the theme of freedom, transforming it into the theme of guilt and punishment. Thus, the motifs of rejection, rebellion and repentance, compositionally uniting the development and understanding of the theme of predatory liberty in the poem, are interpreted in the metaphysical image of the city. Such a function of the city image determines the peculiar narrative structure of the poem at the level of plot, composition and style.

KEYWORDS: Urban text, myth about a city, romanticism, Yekaterinoslav text, motif of freedom, motif of rebellion, motif of repentance.

Тема данной статьи предполагает исследование процесса формирования городского текста в русской литературе, начало которому было положено в поэме

А.С. Пушкина *Братья-разбойники*. Необходимо отметить, что подобный подход к изучению поэмы не является традиционным. В российском литературоведении исследование текста поэмы характеризуется многоаспектностью научных проблем и системностью подходов в литературоведческом анализе. Широкий спектр проблем, затронутых пушкиноведами в процессе изучения *Братьев-разбойников*, охватывает изучение поэмы в контексте двух ветвей русского романтизма – «психологического романтизма Жуковского и гражданского романтизма декабристского толка»¹; компаративный анализ *Братьев-разбойников* и романтических поэм Д. Байрона и Ф. Шиллера в аспекте своеобразия русского и европейского романтизма²; исследование процесса формирования в *Братьях-разбойниках* нового героя романтической поэмы, сообщающего иной, психологический акцент характеристике образа разбойника и новую направленность жанру³; изучение проблематики поэмы в русле ее идеологической направленности – определение конфликта в *Братьях-разбойниках* как социально-политического (протест против крепостного гнета) и социального характера бунтарства⁴; историко-биографический аспект изучения текста *Братьев-разбойников* как части авторского замысла поэмы о Степане Разине⁵; исследование специфики композиции и структуры художественной речи поэмы⁶; исследование концепции автора и читателя в поэме⁷; сравнительный анализ разных списков поэмы⁸; а также изучение повествовательных и дедикативных стратегий произведений Пушкина в контексте русского романтизма⁹ и т. д.

¹ Г.А. Гуковский, *Пушкин и русские романтики*, Москва 1995, с. 223.

² Г.М. Фридендер, *Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе (к характеристике повествовательной структуры и образного строя поэм Пушкина и Байрона)*, [в:] М.П. Алексеев, Д.Д. Благой, Б.П. Городецкий (ред.), *Пушкин. Исследования и материалы*, Ленинград 1974, с. 100-122.

³ Ю.В. Манн, *Динамика русского романтизма*, Москва 1995.

⁴ Б. Мейлах, А.С. Пушкин. *Очерк жизни и творчества*, Москва – Ленинград 1949; Н.В. Фридман, *Романтизм в творчестве А.С. Пушкина*, Москва 1980; А.Н. Соколов, *Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века*, Москва 1955.

⁵ Л.П. Гроссман, *Степан Разин в творчестве Пушкина*, [в:] *Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина*, 1953, № 2, с. 54-86.

⁶ Б.В. Томашевский, *Пушкин. Книга первая (1813-1824)*, Москва–Ленинград 1956.

⁷ М.В. Строганов, *Концепция читателя в поэмах Пушкина (1813-1824 гг.)*, [в:] *История литературы и художественное восприятие*, Тверь 1991, с. 14-27.

⁸ А. Илюшин, *Смоленский и воронежский списки поэмы Пушкина «Братья-разбойники»*, «Русская литература» 2005, № 3, с. 181-184.

⁹ О.В. Богданова, *Новое о повествовательных стратегиях в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина*, «Вісник Університету імені Альфреда Нобеля». Серія «Філологічні науки» / «Bulletin of Alfred Nobel University. Series “Philology”» 2019, № 1 (17), с. 136-143; О.В. Богданова, *Дедикативные стратегии художественного текста (к постановке проблемы)*, «Вісник Університету імені Альфреда Нобеля». Серія «Філологічні науки» / «Bulletin of Alfred Nobel University. Series “Philology”» 2018, № 1 (15), с. 20-28.

Однако при всей серьёзной исследовательской базе проблем пушкинского романтизма мы хотели бы обратить внимание на такой важный аспект, как система романтических топосов в поэме *Братья-разбойники*, но не как имманентное явление, а в контексте иной, не менее важной проблемы – формирования городского текста, в частности, екатеринославского текста в литературе, который берет свое начало в поэме Пушкина *Братья-разбойники*, получает развитие в творчестве писателей второй половины XIX века, затем – в романе Алексея Толстого *Хождение по мукам*, а также в произведениях украинских писателей первой четверти XX века, актуализируется и получает резонансное развитие в творчестве известного поэта-диссидента Ивана Сокульского, поэтов-шестидесятников, в романе Олеся Гончара *Собор*.

Возвращаясь к истокам формирования екатеринославского текста, отметим, что образ города в литературе всегда многогранен и наделен несколькими смыслами, охватывающими различные уровни бытия города – от историко-географического (трансцендентного) до культурфилософского, духовного (имманентного). Подобно исторической летописи, литературный образ хранит информацию о городе, но эта информация – иного рода, более ёмкая, поскольку даёт представление не столько о внешнем облике города, сколько о духовном смысле его бытия, восходящем к уровню развития человеческого сознания, о его внутренней сути, о том, что Николай П. Анциферов называл *душой* города¹⁰.

Смысл Екатеринослава в момент его основания был предопределен политическими амбициями Екатерины II. Городу было предназначено стать Южной столицей России во славу императрицы. Подражая первому русскому императору, Екатерина желала подарить России столицу своего имени, построенную на новых землях. На первый взгляд, Петербург и Екатеринослав сближала одна идея и почти одна эпоха. Однако в отношении Екатеринослава грандиозным планам не суждено было осуществиться. Город не стал Южной столицей России, и, получив к началу XIX века статус центра Екатеринославской губернии, на какое-то время замер в своем развитии.

Историки отмечают, что в начале XIX века Екатеринослав был

небольшим по тем временам городом, насчитывавшим в 1820 г. 5724 жителей... и представлял уникальное сочетание, когда рядом с губернаторским домом располагались мазанки, деревянные домики, по улицам свободно происходил выгул скота¹¹.

¹⁰ Н.П. Анциферов, *Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода*, Ленинград 1926, с. 121.

¹¹ М.Э. Кавун, *Екатеринослав пушкинской поры*, [в:] *Литература в контексте культуры*, Днепрпетровск 2000, с. 148.

Позднее, в 1846 г. подобные впечатления о городе оставил Виссарион Г. Белинский, посетивший Екатеринослав во время своей поездки по Югу России:

...Город чрезвычайно оригинален; улицы прямые, широкие; есть дома порядочные, но больше всё мазанки, по улицам бродят свиньи с поросятами, спутанные лошади. На огромной (незастроенной) площади стоит храм, довольно большой, но он занимает только место алтаря по прежнему плану. Потёмкин хотел его строить на целый аршин кругом шире собора Петра и Павла в Риме – величайшего в Европе храма. Но он умер, и с ним умерли все его исполинские планы¹².

В мае 1820 г. «в качестве поднадзорного изгнанника»¹³ в Екатеринослав прибыл Александр Пушкин. Город, встретивший поэта, был весьма далёк от того, чтобы называться Южной столицей. Он был провинциален и скучен, и Пушкин, по замечанию Дмиитрия И. Яворницкого, всё время своего пребывания в Екатеринославе посвящал катанью на лодке по Днепру и гулянию по лесам¹⁴. О своём впечатлении о городе свидетельствует и сам поэт в письме к брату Льву Сергеевичу:

Приехав в Екатеринославль, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновению. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашёл меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада¹⁵.

Неподалёку от местопребывания Пушкина располагалась тюрьма, откуда совершили побег два узника – братья Засорины, свидетелем чему был поэт. По впечатлениям от побега в 1821-1822 гг. была написана поэма *Братья-разбойники*:

Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на острове, потопление одного из стражей мною не выдуманы¹⁶.

¹² В.Г. Белинский, *Дневники*, [в:] В.Г. Белинский, *Полное собрание сочинений в 12 томах*: т. 12, Москва 1956, с. 291.

¹³ Д.И. Яворницкий, *История города Екатеринослава*, Днепрпетровск 1989, с. 110.

¹⁴ Там же, с. 111.

¹⁵ А.С. Пушкин, *Письмо Л.С. Пушкину*, [в:] А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 10 томах*, т. 9, Москва 1959-1962, с. 18.

¹⁶ А.С. Пушкин, *Письмо П.А. Вяземскому*, [в:] А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 10 томах*, т. 9, Москва 1959-1962, с. 74.

Реальное событие, которое довелось наблюдать поэту и которое физически связывало произведение Пушкина с Екатеринославом, в данной ситуации послужило своего рода антецедентом не столько к созданию художественного произведения, сколько к новому видению традиционных идей, развивающихся в культурном пространстве романтизма. Кроме того, в поэме *Братья-разбойники* прослеживается та эстетическая позиция автора, когда «в возвышении житейски-реального осуществляется идеальное»¹⁷, и исторический образ Екатеринослава трансформируется в образ художественный.

Событие побега из Екатеринославской городской тюрьмы, заложенное в основу сюжета, определяет в художественном пространстве поэмы два полюса – природный и городской (фактически – локус Екатеринослава), которые находятся в состоянии антинормии. Взаимодействие этих полюсов актуализирует в поэме городскую тему, в рамках которой происходит переосмысление романтического феномена бунтарства – с одной стороны, и закладываются основы формирования мифа о Екатеринославе, изначально романтического – с другой. Это тем более важно, что данное романтическое содержание екатеринославского текста предопределило его развитие в литературе XX века: если поэты-шестидесятники (Виктор Корж, Иван Сокульский) акцентировали необходимость сохранения романтического начала в городском тексте, то в романе *Собор* О. Гончар демонстрирует трансформацию романтических топосов как свидетельство нивелирования духовной сферы в городском тексте. Этим, на наш взгляд, и обусловлена смысловая значимость образа города в поэме, и потому представляется целесообразным рассмотреть его подробнее с тем, чтобы, во-первых, соотнести реальный (исторический) образ Екатеринослава с образом города, запечатленным в поэме, во-вторых, определить функции романтических топосов в создании екатеринославского текста и, в-третьих, выявить специфику формирования мифа о городе в рамках екатеринославского текста.

Образ Екатеринослава как локуса событий в поэме создается «сбирательно» из образов окружающего город природного ландшафта (образы реки и леса) и непосредственно образа города. Семантико-символический аспект образов реки, леса и города, связанный в *Братьях-разбойниках* с мотивами бунта и побега на волю, раскрывается в традиционном романтическом ключе. В этом смысле данные образы можно рассматривать как романтические топосы. Сразу отметим, что романтическая трактовка пространственных топосов в поэме задаётся традиционными романтическими топосами бунтарства, героя-бунтаря и свободы, которые вводятся в текст с первых строк и, пронизывая все пространство поэмы, составляют ее идейную направленность. В то же время одним из ключевых в поэме является образ города – места, в котором, собственно, и вызревает феномен бунтарства, и которое определяет специфику трактовки бунтарства, свободы и переосмысления характера героя-бунтаря. В этой связи нам

¹⁷ А.С. Позов, *Метафизика Пушкина*, Москва 1998, с. 149.

представляется целесообразным начать наше исследование с анализа пространственных топосов и образа города.

Образы реки и леса символически связывают и одновременно противопоставляют город природному пространству. *Река* – единственный обозначенный в поэме географический объект, связывающий Екатеринослав с событиями, о которых повествуется в поэме, – является одним из способов идентификации образа Екатеринослава. Образ реки (имеется в виду Днепр) несет в себе значительную символично-смысловую нагрузку. Река в поэме выступает одновременно и как символ безбрежности природного пространства, принявшего в себя город, и символ жизни и свободы от оков – ее «глубокие воды» и «высокие берега» сулят узникам надежду на спасение и вызволение из стен тюрьмы и города: «Мы берегов достичь успели / И в лес ушли...»¹⁸. В то же время река представляет собой и границу между двумя мирами – цивилизацией (город) и природой (лес), как бы связывая разнополюсные пространства.

Лес как природный образ наделён неоднозначной символикой. С одной стороны, лес в поэме выступает как символ природной стихии, первобытной свободы, которая для узников становится самоцелью: «Мне душно здесь... я в лес хочу...»¹⁹. С другой стороны, лес противопоставит городу, представляя собой альтернативу традиционному дому: «Простерты на земле сырой / Иные чутко засыпают»²⁰, это символ тайны и опасности. Вячеслав Иванов отмечает, что в традиционном мифологическом толковании лес – одно из основных местопребываний сил, враждебных человеку (в дуалистической мифологии большинства народов противопоставление «селение – лес» является одним из основных)²¹. Подобное же противопоставление наблюдается и в поэме: «Не он ли сам от мирных пашен / меня в дремучий лес сманил»²². Лес в поэме всегда погружен во тьму – события, о которых упоминается в *Братьях-разбойниках*, чаще совершаются ночью: «Затихло всё, теперь луна / Свой бледный свет на них наводит», «В товарищи себе мы взяли / Булатный нож да тёмну ночь»²³; «Зимой бывало в ночь глухую / Заложим тройку удалую»²⁴. Темнота ночи проецируется на темноту души, блуждающей в поисках света, как разбойники – в поисках своей справедливости: «Здесь цель одна для всех сердец – / Живут без власти, без закона»²⁵.

¹⁸ А.С. Пушкин, *Братья-разбойники*, [в:] А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 10 томах*, т. 3, Москва 1959-1962, с. 141.

¹⁹ Там же, с. 138.

²⁰ Там же, с. 137.

²¹ В.В. Иванов, *Лес*, [в:] И.С. Брагинский, И.М. Дьяконов, А.Ф. Лосев (ред.), *Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 томах*, т. 2, Москва 1997, с. 49.

²² А.С. Пушкин, *Братья-разбойники...*, с. 139.

²³ Там же, с. 137.

²⁴ Там же, с. 138.

²⁵ Там же, с. 136.

Понятийно-языковой словарь образов реки и леса в поэме складывается исключительно из знаков принадлежности к последним. Эти знаки имеют номинативно-указательную структуру, включающую само наименование образа-символа: *река, лес*, и их безописательные характеристики, которые раскрываются в *обозначении* признаков: река шумела, берега высокие, воды глубокие, волны, быстрый ток, глубина, дно, в брод, волн осенний хлад (в образе реки); земля сырая, угрюмая ночь, дерево, снежная глубина, лесная дорога, ночь глухая, дремучий лес, лес и воля (как синонимы) – в образе леса.

В образе города синтезируется символическая многомерность смыслов образов природного пространства – реки и леса. Город в поэме выступает одновременно и как символ спасения, упорядоченной жизни и защиты от внешних сил (образ «хижинки-поля»), определяя социальную и культурологическую принадлежность человека к определенной среде, и символом узилища как наказания за разбойничьи грехи, – тюрьма, площадь, лобное место – единственные городские объекты, упомянутые в поэме и обретающие значимость в человеческой судьбе: «То мнил уж видеть пред собою / На площадях толпы людей, / И страшный ход до места казни, / И кнут, и грозных палачей... / Без чувств, исполненный боязни, / Брат упал ко мне на грудь»²⁶. Данный ряд городских топосов (тюрьма, площадь, лобное место) вырисовывают типологический ряд, который в художественном мышлении Пушкина уже выстраивался не столько в романтическом, сколько в идеологическом ключе, соотнося, таким образом, рождающийся екатеринославский текст с образом имперской России в целом, где уже напрашиваются ассоциации с пугачёвским восстанием, декабристским движением, резонансными публикациями о Великой французской революции. Но одним из ключевых ассоциативных аспектов является родство-противостояние двух столиц – северной (Петербург) и несостоявшейся южной как некоего урбанистического феномена, который уже в своем зародыше содержит идею бунтарства.

На лексико-семантическом уровне образ города складывается из метонимических иносказаний, идентифицирующих город и выступающих его признаками: хижинка, поле, мирные пашни, острог, стража, душевные стены, цепи, смрадная темнота, городская тюрьма, мрак темницы, решётки, площадь, толпы людей, место казни, улицы.

В поэме образ города как единого целого формируется прежде всего в гармоничном синтезе символических соотношений, в которых реализуются образы природного ландшафта (лес, река) и непосредственно городские образы. В создании образа города весьма значимым является тот факт, что Пушкин отказывается от описания внешнего облика Екатеринослава. Городской пейзаж в поэме отсутствует. Нет описания городских объектов, улиц, изображения пестроты городской жизни и быта горожан – нет всего того, что бы конкретизировало определенный город (в данном случае – Екатеринослав),

²⁶ А.С. Пушкин, *Братья-разбойники...*, с. 139-140.

отражало характер его реального существования. Вместо описательного Пушкин использует абстрактно-номинативный способ обрисовки города, в котором основная роль отводится образам-знакам, идентифицирующим не конкретный город, а г о р о д к а к т а к о в о й. Таким образом, становится значимым не образ Екатеринослава как локуса событий в поэме, а внутренний образ города, выступающего как *modus vivendi* человеческого бытия, его имманентная сущность не в конкретном, а в универсальном значении. Абстрактно-номинативный способ создания образа города определяет в поэме некий нарративный момент перехода или момент *движения* от образа реального города Екатеринослава к образу идеального (в значении нематериальности) города, от «физического» образа – к «метафизическому». Происходит процесс п о э т и з а ц и и города в художественном произведении, представляющий первичную стадию формирования мифа о городе.

Из этого следует, что в поэме *Братья-разбойники* запечатлён метафизический образ города, образ города-универсума. Символический смысл его имманентной сущности, преломляющий осмысление ключевой в поэме темы бунтарства, позволяет рассматривать образ города как идею-эйдос, выражающую, по мнению Р. Гальцевой, ноуменальную суть явления и предстающую у поэта во плоти индивидуально-существенной и потому неповторимой²⁷.

Реализация в поэме темы бунтарства включает два плана. Первый план отражает понимание свободы в его традиционном для романтического мироощущения смысле и связан с мотивом побега на волю: «Нам тошен был и мрак темницы, / И сквозь решётки свет денницы, / И стражи клик, и звон цепей, / И лёгкой шум залётной птицы»²⁸. Стремление к свободе, которая становится самоцелью для героя-рассказчика в *Братьях-разбойниках*, придаёт ему черты романтического героя-бунтаря, позволяя рассматривать разбойничество как подвижничество, отверженность как бунт.

Выведенный в поэме образ разбойника, восходящий к культурному архетипу романтического героя-бунтаря, связывает произведение Пушкина с европейской литературной традицией. Образ жизни разбойников, порвавших отношения с внешним миром, вызывает ассоциации с сюжетом романтических поэм Шиллера (*Разбойники*) и Байрона (*Шильонский узник*). Героев Пушкина и Байрона роднит протест против законов общества, в котором они вынуждены были жить и которому предпочли вольную жизнь, свободную от социальных законов и подчинённую законам природы²⁹. В этом плане в бунтарстве, по

²⁷ Р. Гальцева, *На подступах к теме*, [в:] А.С. Позов, *Метафизика Пушкина*, Москва 1998, с. 21.

²⁸ А.С. Пушкин, *Братья-разбойники...*, с. 140.

²⁹ Интересно отметить, что реальная история братьев Засориных, по свидетельствам современников, напоминала историю Робин Гуда (о чем стало известно спустя много лет после написания поэмы): братья были внебрачными детьми помещика Засорина, жившего в районе г. Таганрога (тогда еще Екатеринославской губернии). После смерти отца оба брата подверглись

мнению Ю. Манна, отражены вольнолюбие, своеобразная разбойничья солидарность, мстительные чувства к обществу с его ложью и лицемерием, т. е. такие качества, которые отражают духовный мир «благородного разбойника»³⁰.

Актуализация в поэме образа разбойника-бунтаря определяет характер отношений в парадигме «город – человек». Мотив отчуждения от дома, одиночества человека в мире обозначен в самом начале поэмы: «...нашу младость / Вскормила чуждая семья... / Не оставалось у сирот / Ни бедной хижинки, ни поля»³¹. Нужда побуждает героев покинуть город, разорвав тем самым связи с социальным миром: «Наскучила нам эта доля, / И согласились меж собой / Мы жребий испытать иной...»³². Город с его законами существования становился препятствием на пути к свободе, представления о которой связывались с жизнью в природном пространстве, просторе леса, где общепринятые законы человеческого общежития теряют свою силу. Так в поэме образуется антиномия двух способов организации жизни и, соответственно, двух уровней человеческого сознания – «п о л я – х и ж и н к и» (праобраз города) как окультуренного человеком пространства, являющегося составляющей дома, и *леса* как свободного природного пространства. В этом смысле город становится стражем духовной свободы человека.

Второй план осмысления в поэме темы бунтарства и разбойничьей вольности намечает некоторый отход Пушкина от романтической традиции, который прослеживается в авторской характеристике героя-разбойника, снижающей романтический идеал, вскрывающей его иную, «прозаическую» сущность и осмысливающей бунт уже не как отверженность или стремление к свободе, но как преступление: «И сны зловещие летают / Над их преступной головой»³³; «Опасность, кровь, разврат, обман – / Суть узы страшного семейства»³⁴. В этом смысле, по замечанию А. Позова, Пушкин даёт новую и оригинальную ситуацию героям и новое содержание поэтическим концепциям³⁵. В заключительном четверостишии первой строфы поэмы дается психологический портрет героя-разбойника, выявляющий авторскую позицию по отношению к персонажу: «Кому смешно детей стенанье, / Кто не прощает, не щадит, / Кого убийство веселит, / Как юношу любви свиданье»³⁶. На двузначность трактовки

надругательствам со стороны соседних помещиков: у одного брата изнасиловали дочь, у другого – отобрали жену. Братья Засорины сурово отомстили обидчикам – организовали отряд из таких же обездоленных крестьян и устраивали набеги на помещичьи имения, грабили их и раздавали награбленное бедным крестьянам. Прошло много времени, пока властям удалось уничтожить отряд (См.: Ю.Я. Ёмченко, *О.С. Пушкин в Катеринославі*, Дніпропетровськ 1959, с. 87).

³⁰ Ю.В. Манн, *Динамика русского романтизма...*, с. 56.

³¹ А.С. Пушкин, *Братья-разбойники...*, с. 137.

³² Там же.

³³ Там же, с. 137.

³⁴ Там же, с. 136.

³⁵ А.С. Позов, *Метафизика Пушкина...*, с. 88.

³⁶ А.С. Пушкин, *Братья-разбойники...*, с. 136.

разбойничьей вольности в поэме указывает и Юрий Манн: «Это – свободолюбие, непокорность, широта души, товарищество. Но это же – жестокость, невежество, беззаконие, убийства»³⁷.

Подобный поворот в обрисовке образа героя-бунтаря предполагает иную трактовку темы свободы, трансформирующуюся в тему вины и наказания: «То снова разгорались в нём / Докучной совести мученья: / Пред ним толпились привиденья, / Грозя перстом издалека»; «...И весь как лист он трепетал... / Без чувств, исполненный боязни, / Брат упал ко мне на грудь»³⁸ и т. п., и иную расстановку акцентов в отношениях «город – человек», где стражем духовной свободы человека становится не город, а сам человек как заложник преступных помыслов и деяний, а город выступает как символ наказания, которое неизбежно.

Таким образом, традиционный романтический феномен бунтарства в поэме Пушкина обогащается новым смыслом, становится дуалистичным. В нем воплощен и протест против социальной несправедливости, порождающей в человеке жестокость и побуждающей его к протестному действию, и одновременно бунт против жестокости в человеке, который дает начало нарастающему в поэме мотиву раскаяния, знаменующему процесс духовного обновления героя и его приближения к романтическому идеалу.

Здесь важно подчеркнуть, что мотивы отверженности, бунта-побега и раскаяния, композиционно скрепляющие развитие и осмысление в поэме темы разбойничьей вольности, преломляются в метафизическом образе города. Такая функция последнего обуславливает специфику нарративной структуры поэмы на уровне сюжета, композиции и стиля.

Именно город придает романтическому бунтарству смысл внутреннего очищения: в сюжетной канве поэмы город предстает как локус событийного перелома (побег из города, который фактически совершается дважды, – первый раз как попытка «жребий испытать иной», второй – как побег из городской тюрьмы) и внутренней (духовной) перемены в сознании героя-рассказчика: именно после пребывания в городской тюрьме, завершившегося побегом, возврат к прежнему душевному состоянию и прежней жизни оказывается невозможным, несмотря на то, что цель – свобода – достигнута: «...на прежнюю ловитву / Пошел один... Но прежних лет / Уж не дождусь: их нет, как нет!»; «Мне страшно резать старика; / На беззащитные седины / Не подымается рука»³⁹.

Процесс перемены в мироощущении героя передается через структуру монолога брата-рассказчика, которая имеет темпоральную организацию. Монолог рассказчика отражает процесс рефлексивной редукции, в котором выделяется ключевое событие (пребывание в городской тюрьме), разделившее жизнь героя на «до»: «Ах, юность, юность удалая! / Житьё в то время было нам»⁴⁰ и «после»:

³⁷ Ю.В. Манн, *Динамика русского романтизма...*, с. 57.

³⁸ А.С. Пушкин, *Братья-разбойники...*, с. 139-140.

³⁹ Там же, с. 142.

⁴⁰ Там же, с. 137.

«Влачусь угрюмый, одинокой, / Окаменел мой дух жестокой»⁴¹. Воспроизводящий целую жизнь одного из разбойников (от рождения и до смерти) рассказ его брата содержит в себе признаки одновременно обращённого и уединённого (внутреннего) монолога, предполагающего ситуацию, когда в обращении к слушателям заново переживается и переосмысливается жизнь.

Эпизод, в котором повествуется о пребывании братьев-разбойников в городской тюрьме, определённый как ключевое событие в жизни героев, выделяется в тексте поэмы композиционно. Строфа, вмещающая этот эпизод, самая объёмная в поэме, – она является шестой от начала и насчитывает 79 стихов (остальные строфы поэмы даются в таком соотношении: первая – 27 стихов, вторая – 13, третья – 18, четвертая – 22, пятая – 5, седьмая – 47 (эпизод побега), восьмая – 24). В этой строфе актуализируется образ второго брата-разбойника, который впервые в поэме выступает как действующее лицо (что на лексико-синтаксическом уровне выражается передачей прямой речи в оформлении его высказываний: «Он умирал, твердя вселенно: / ‘Мне душно здесь... я в лес хочу...’»⁴² и т. п.). Введение в повествование рассказчика прямой речи (слова брата) представляет собой стилистический прием, с помощью которого в точной передаче реплик и интонаций умирающего брата-разбойника в поэме впервые звучат мотивы вины, раскаяния и возмездия: «Не мучь его... авось мольбами / Смягчит за нас он божий гнев!..»; «То мнил уж видеть пред собою / На площадях толпы людей, / И страшный ход до места казни...»⁴³. В этой строфе через передачу двух способов речи – прямой и косвенной, синтезируются полярные восприятия города – город как дом: «Не он ли сам от мирных пашен / Меня в дремучий лес сманил»⁴⁴; и город как острог: «Нам тошен был и мрак темницы...»⁴⁵, являющие неоднозначность оценки этого образа в поэме.

Оценочный план в восприятии образа города разворачивается в двух типах повествования, которые реализуют в тексте поэмы две точки зрения, – гетеродиегетического аукториального типа повествования (точка зрения автора) и акториального типа (точка зрения брата-рассказчика), представляющих осмысление темы свободы в коррелятивном плане – «свобода – возмездие», или «свобода – ответственность», что на уровне имплицитного смысла обуславливает возникновение позитивного (у ауктора) и негативного (у актора) момента в оценке образа города. Полярность точек зрения в двух типах повествования подчеркивается стилистически – дифференциацией речевой манеры ауктора и актора. Для аукториального повествования характерна риторически приподнятая речь, включающая слова и обороты с ярко выраженной экспрессивно-оценочной семантикой: „хладною рукой“, „детей стенанье“, „сны зловещие“,

⁴¹ Там же, с. 140.

⁴² А.С. Пушкин, *Братья-разбойники...*, с. 138.

⁴³ Там же, с. 139-140.

⁴⁴ Там же, с. 139.

⁴⁵ Там же, с. 140.

„внимает”, „злодейство”, „дремлет”, „свирепый лик”, „стяжание” и т. п. В акториальном повествовании заметнее признаки разговорной речи: „вынестъ”, „зарезанный”, „схоронил”, „ловитва”, „подымается”, „ступаем”, „задрогла” и т. п. Различия в речевой манере предполагают различия двух типов сознания и мироощущения, присущих ауктору и актору, что обуславливает наличие в поэме двух планов оценки образа города и составляет специфику субъектной организации произведения.

Локализация в тексте поэмы рассказа брата-разбойника и комментариев автора указывает на неравноценность двух точек зрения. Рассказ героя обрамляется вступлением и заключением автора⁴⁶, что позволяет предположить доминирование авторской точки зрения. Более того, сама явленность в поэме акториального типа повествования, по мнению И. Ильина, свидетельствует о том, что автор всеми доступными ему повествовательными средствами подчёркивает ограниченность той картины, той нарративной перспективы, которая создаётся данным типом рассказа, чтобы дать возможность читателю почувствовать за ней совсем иную точку зрения, по-иному интерпретирующую и оценивающую описываемые события⁴⁷. Позитивный момент оценки образа города в аукториальном повествовании репрезентирует внутренние возможности образа, с одной стороны, и авторское резюме, предполагающее правильность заявленной позиции – с другой.

Положительный момент оценки образа города выводит на первый план проблему самоидентификации героев, вопрос о справедливости наказания и переосмысления идеи свободы автором. Город в поэме становится местом, где

⁴⁶ Имеется в виду заключительная строфа поэмы, не вошедшая в печатный текст, но воспроизведённая в собрании сочинений А.С. Пушкина:

Умолк и буйной головою
 Разбойник в горести поник,
 И слез горячую рекою
 Свирепый оросился лик.
 Смеясь, товарищи сказали:
 “Ты плачешь! полно, брось печали,
 Зачем о мертвых вспоминать?
 Мы живы: станем пировать,
 Ну, потчевай сосед соседа!”
 И кружка вновь пошла кругом;
 На миг утихшая беседа
 Вновь оживляется вином;
 У всякого своя есть повесть,
 Всяк хвалит меткий свой кистень.
 Шум, крик. В их сердце дремлет совесть:

Она проснется в черный день (А.С. Пушкин, *Братья-разбойники...*, с. 397).

На наш взгляд, для смыслового восприятия поэмы эта строфа очень важна, поскольку резюмирует рассказ героя и отражает позицию автора.

⁴⁷ И.П. Ильин, *Актер*, [в:] Е.А. Цурганова (ред.), *Западное литературоведение XX века. Энциклопедия*, Москва 2004, с. 29.

выкристаллизовывается самосознание персонажа, реализующееся «в виде рефлексии, составляющей акт возвращения к себе»⁴⁸ – к себе человеческому. Здесь важно отметить, что в художественном пространстве поэмы образ города темпорально статичен (несмотря на «затекстовую» соотносённость с реальным событием, произошедшем в Екатеринославе). Возможно, эта статичность (как отсутствие необходимости развития) делает город-универсум самосовершенным и самодостаточным, возводя его тем самым в статус идеального пространства и расставляя иные акценты, скрепляющие романтический идеал (момент ухода от реальности).

Черты идеального пространства, в границах которого возможна переоценка представлений о вольности и бунтарстве, придают образу города в поэме характер утопии⁴⁹ и соотносят произведение Пушкина с русской народной утопической традицией, воспроизводящей представления об идеале и «антиидеале». И хотя в акториальном повествовании, реализующем неприятие города, скрывается смысл антиутопии, нам все же представляется, что созданный в поэме образ города-универсума тяготеет к утопической традиции. В этом смысле среди многочисленных преданий о «земном рае» и праведности выделяется образ града Китежа, запечатлённый в одноименном сказании XIII века. В *Сказании о граде Китеже* создан образ праведного города свободных людей, доступного только тому, кто чист душой и помыслами и сулящего наказание преступнику⁵⁰. Похожим по своему внутреннему смыслу нам представляется и город в поэме *Братья-разбойники*⁵¹, где воздаётся за преступление и где свобода в ее понимании героями поэмы влечёт за собой ответственность.

⁴⁸ В.Е. Хализев, *Теория литературы*, Москва 2010, с. 177.

⁴⁹ В данном случае речь идёт об «эскапистской» утопии (термин Ежи Шацкого) – утопии вневременного порядка, в которой появляется образ некоего идеала, существующего вне времени и вне пространства (Е. Шацкий, *Утопия и традиция*, Москва 1990, с. 99), постичь который можно лишь «отвратившись всей душой ото всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нём всего ярче, а это, как мы утверждаем, и есть благо» (Платон, *Государство*, [в:] Платон, *Сочинения в 3 томах*, т. 1, Москва 1968, с. 326).

⁵⁰ «...Ащё кто никакова помысла имети лукава, и развращенна, и мятущего ума, нераздвоенным умом и несумненной верою обещається и пойдёт к невидимому граду тому, не поведав ни отцу с матерью, ни сестрам с братьями, ни всему своему роду-племени, – таковому человеку откроет Господь град Китеж и святых в нём пребывающих...

Аще же кто пойдёт, обаче мыслете начнёт семо и овамо, или пойдя, славити начнёт о желании своём, таковому Господь закрывает невидимый град: покажет ему его лесом или пустым местом... И ничто же таковый человек не получит себе, такмо труд его в сие пропадёт. И будет ему соблазн и понос, и укор и от Бога казнь примет zde и будущем веце... Осуждение примет и тьму кромешную всяк человек, иже такому святому месту поругается...

Понеже на конец века сего Господь чудо яви – невидимым сотвори град Китеж, да в нём пребывающие не узрят скорби и печали от зверя Антихриста». См.: *Легенда о граде Китеже*, [в:] *Предания и легенды Древней Руси. XIII век*, под ред. Н.В. Поньрко, Москва 1981, с. 562.

⁵¹ Важно отметить, что образ города, напоминающего Китеж, встречается в произведениях Пушкина неоднократно: ср. в *Сказке о царе Салтане*:

И всё же прообразом города-универсума, запечатленного Пушкиным в *Братьях-разбойниках*, был реальный город – провинциальный Екатеринослав. Сотворенный поэтом идеал создавался на основе реальности. Образ метафизический обрел существование в процессе художественного преобразования исторического образа. Между идеалом и реальностью существует связь, романтический разрыв сокращается, что и придает образу Екатеринослава момент живого движения и некоего раз-воплощения во времени. Литература, таким образом, провоцирует восприятие Екатеринослава как романтического места. Екатеринославский текст изначально задается романтическими параметрами, важнейшими из которых являются романтические топосы – топос бунтарства, топос свободы, топос героя-бунтаря и пространственные топосы города в их романтической трактовке – лес, река, остров, темница и т. д.

Преобразование исторического образа провинциального города в поэме *Братья-разбойники* в романтическое место позволяет говорить о том, что Пушкин стоял у истоков социокультурной мифологизации города. В поэме происходит процесс создания мифа о Екатеринославе, синтезирующего в себе одновременно традиции романтизма и русской народной утопии. Это миф о романтическом месте подлинно свободного духа и бунтарства и вместе с тем – месте духовного преобразования человека, его возвращения к себе человеческому. Через призму метафизического образа города в поэме происходит переосмысление одной из основных идей романтизма, и зарождается новое понимание свободы, которое в XX веке будет «канонизировано» в экзистенциализме Жана-Поля Сартра – свобода как ответственность или свобода как свобода от раскаяния.

Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами...
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты,

А сидит в нем царь Гвидон... (А.С. Пушкин, *Сказка о царе Салтане*, [в:] А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 10 томах*, т. 3, Москва 1959-1962, с. 291).

Здесь стоит упомянуть, что, как показывают исследования, сама китежская легенда возникла задолго до нашествия Батыя, во время которого, согласно традиционному преданию, город был погружен на дно озера. Как указывают историки, еще до монголо-татарского нашествия по вольной Руси из уст в уста передавалась весть о некоем дивном граде, «где все добры и благородны, где нет рабства, сильные помогают слабым, женщины так же свободны, как и мужчины, где спокойная и сытая старость – награда за мирно прожитую жизнь праведника. Правит городом-государством сильный и справедливый князь. Вместе с народом творит правый суд. И туда, в этот город, на этот честный (настоящий) суд каждый обиженный и обездоленный смело обращается, ища защиту. Но попасть в Китеж может лишь чистый (светлый, ясный, царственный) сердцем... Ведь стоит город-государство на сокрытом от мира острове. Посреди болот, вод и топи...» (Е. Григорьева, *Кто вы, росы? Русь. Россия. Где искать ее начало?*, «Известия» 2003, 3 июня, с. 3). Таким образом, можно предположить, что признаки преемственности в наброске образа города у Пушкина имеются.

В заключение отметим, что миф о Екатеринославе закладывается в основу не только екатеринославского текста, но и исторического восприятия города – именно на его свободолюбии и бунтарстве акцентирует внимание Д.И. Яворницкий в своих исследованиях о Екатеринославе и запорожском казачестве⁵².

References

- Antsiferov N.P., *Puti izucheniya goroda kak sotsial'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podkhoda*, Leningrad 1926.
- Belinskiy V.G., *Dnevnik*, [v:] V.G. Belinskiy, *Polnoye sobraniye sochineniy v 12 tomakh*: t. 12, Moskva 1956.
- Bogdanova O.V., *Dedikativnyye strategii khudozhestvennogo teksta (k postanovke problemy)*, «Visnyk Universitetu imeni Alfreda Nobelya. Seriya: Filologichni nauki» / «Bulletin of Alfred Nobel University. Series “Philology”» 2018, № 1 (15), s. 20-28.
- Bogdanova O.V., *Novoye o povestvovatel'nykh strategiyyakh v «Kapitanskoy dochke» A.S. Pushkina*, «Visnyk Universitetu imeni Alfreda Nobelya. Seriya: Filologichni nauki» / «Bulletin of Alfred Nobel University. Series “Philology”» 2019, № 1 (17), s. 136-143;
- Fridlender G.M., *Poemy Pushkina 1820-kh godov v istorii evolyutsii zhanra poemy v mirovoy literature (k kharakteristike povestvovatel'noy struktury i obraznogo stroya poem Pushkina i Bayrona)*, [v:] M.P. Alekseyev, D.D. Blagoy, B.P. Gorodetskiy (red.), *Pushkin. Issledovaniya i materialy*, Leningrad 1974, s. 100-122.
- Fridman N.V., *Romantizm v tvorchestve A.S. Pushkina*, Moskva 1980.
- Gal'tseva R., *Na podstupakh k teme*, [v:] A.S. Pozov, *Metafizika Pushkina*, Moskva 1998, s. 5-27.
- Grigor'yeva E., *Kto vy, rosy? Rus'. Rossiya. Gde iskat' eye nachalo?*, «Izvestiya» 2003, 3 iyunya, s. 3.
- Grossman L.P., *Stepan Razin v tvorchestve Pushkina*, «Uchenyye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta im. V.P. Potemkina» 1953, № 2, c. 54-86.
- Gukovskiy G.A., *Pushkin i russkiye romantiki*, Moskva 1995.
- Ivanov V.V., *Les*, [v:] I.S. Braginskiy, I.M. D'yakonov, A.F. Losev (red.), *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 tomakh*, t. 2, Moskva 1997, s. 49-51.
- Il'in I.P., *Aktor*, [v:] E.A. Tsurganova (red.), *Zapadnoye literaturovedeniye XX veka. Entsiklopediya*, Moskva 2004, s. 29-30.
- Ilyushin A., *Smolenskiy i voronezhskiy spiski poemy Pushkina «Brat'ya-razboyniki»*, «Russkaya literatura» 2005, № 3, s. 181-184.
- Kavun M.E., *Ekaterinoslav pushkinskoy pory*, [v:] *Literatura v kontekste kul'tury*, Dnepropetrovsk 2000, s. 147-151.
- Khalizev V.E., *Teoriya literatury*, Moskva 2010.
- Mann Yu.V., *Dinamika russkogo romantizma*, Moskva 1995.
- Meylakh B., *A.S. Pushkin. Ocherk zhizni i tvorchestva*, Moskva – Leningrad 1949.
- Platon, *Gosudarstvo*, [v:] Platon, *Sochineniya v 3 tomakh*, t. 1, Moskva 1968.
- Pozov A.S., *Metafizika Pushkina*, Moskva 1998.

⁵² Д.И. Яворницкий, *История города Екатеринослава*, Днепропетровск 1989.

- Ponyrko N.V. (red), *Legenda o grade Kitezhe*, [v:] *Predaniya i legendy Drevney Rusi: XIII vek*, Moskva 1981, s. 210-227; 561-563.
- Pushkin A.S., *Brat'ya-razboyniki*, [v:] A.S. Pushkin, *Polnoye sobraniye sochineniy v 10 tomakh*, t. 3, Moskva 1959-1962.
- Pushkin A.S., *Pis'mo L.S. Pushkinu*, [v:] A.S. Pushkin, *Polnoye sobraniye sochineniy v 10 tomakh*, t. 9, Moskva 1959-1962.
- Pushkin A.S., *Pis'mo P.A. Vyazemskomu*, [v:] A.S. Pushkin, *Polnoye sobraniye sochineniy v 10 tomakh*, t. 9, Moskva 1959-1962.
- Pushkin A.S., *Skazka o tsare Saltane*, [v:] A.S. Pushkin, *Polnoye sobraniye sochineniy v 10 tomakh*, t. 3, Moskva 1959-1962.
- Shatskiy E., *Utopiya i traditsiya*, Moskva 1990.
- Sokolov A.N., *Ocherki po istorii russkoy poemy XVIII i pervoy poloviny XIX veka*, Moskva 1955.
- Stroganov M.V., *Kontsepsiya chitatelya v poemakh Pushkina (1813-1824 gg.)*, [v:] *Istoriya literatury i khudozhestvennoye vospriyatiye*, Tver' 1991, s. 14-27.
- Tomashevskiy B.V., *Pushkin. Kniga pervaya (1813-1824)*, Moskva – Leningrad 1956.
- Yavornitskiy D.I., *Istoriya goroda Ekaterinoslava*, Dnepropetrovsk 1989.
- Yemchenko Yu.Ya., *O.S. Pushkin v Katerynoslavi*, Dnipropetrovs'k 1959.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Анна Аркадьевна Степанова [Anna Stepanova, Alfred Nobel University] – доктор филологических наук, профессор; Университет имени Альфреда Нобеля, профессор Кафедры английской филологии и перевода, проректор по научной работе.

Публикации: монография: *«Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920-1930-х гг. Поэтология фаустовской культуры*, Санкт-Петербург 2015, сс. 496. **Статьи:** *Образ фаустовского сознания в культуре и литературе XX века: от архетипа к идеологеме*, „Polilog. Studia Neofilologiczne” 2019, № 9, s. 5-20; *Повесть И.С. Шмелева «Человек из ресторана» и одноименный фильм Я.А. Протазанова: поэтика визуальности и проблемы экранизации*, «Филологический класс. Philological Class. Scientific and Methodical Journal» 2019, № 4 (58), с. 153-162; *Синкопы джазового века в реквиеме Первой мировой: Ричард Олдингтон и Отто Дикс*, „Вестник Томского государственного университета. Филология” 2018, № 51, с. 206-220; *Ремифологизация пасторального мифа в повести В. Богомолова «Зося»*, [в:] *Пастораль: бегство от действительности или приближение к ней?* Сборник научных трудов, Москва 2018, с. 110-124.

ORCID: 0000-0003-1235-8029

E-mail: anika102@yandex.ru